

УДК 94(520) + 94(510) + 325.14(520:510) +
+ 811.581 + 811.521

Д. А. Суровень

ВЛИЯНИЕ КИТАЙСКО-КОРЕЙСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ АЯБИТО НА ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И КУЛЬТУРУ ЯМАТО V В.*

Анализируются сведения древнеяпонских источников о роли китайско-корейских переселенцев *аябито* (“ханьцев”), возглавляемых Ван Ином (яп. Вани) и принцем Ати-но оми (кит. А-чжи-ваном), в жизни Ямато V в. Материалы об этом содержатся в «Кодзики», «Нихон-сёки», «Когосюи», «Синсэн-сёдзи-року». В данной работе показано, каким образом мигранты *аябито* оказали влияние на развитие письменности, учености, государственный аппарат управления, на появление летописания и исторических записей, а также на приспособление китайской письменности к записи слов японского языка в Ямато V в.

Ключевые слова: древняя Япония; Ямато; Нинтоку; Ё-садзаки; Ритю; Идзаховакэ; Ван Ин; Вани; Ати-но оми; ая; Ямато-но ая; Хигаси-но ая; области Кавати и Ямато; «Кодзики»; «Нихон-сёки»; «Когосюи»; «Синсэн-сёдзи-року».

Переселенцы с материка, обладавшие более высокими общественными и культурными навыками, прибыли в страну, где уже формировалась государственность, на службу которой они были сразу поставлены. Предпочтительное использование иммигрантов в аппарате управления, делопроизводстве, специализированном ремесле и прикладном искусстве, в окружении правителя, на службе подымающегося конфуцианства, а впоследствии буддизма неизбежно повышало их социальное положение и престиж [см.: Воробьев, с. 72].

Следствием распространения навыка письма в Ямато, в чём также была заслуга людей аябито («ханьцев»), стало то, что в V в. государство Ямато начало обмениваться официальными документами с Китаем, что подтверждает существование в Японии людей, искусных в выражении мыслей письменно [см.: Konishi, p. 167]. Так, китайские источники сообщают, что в 425 г. посольство от правителя, называемого китайцами «Цзань» (яп. Ё-садзаки / Нинтоку¹ [около 418-425/427 годы испр. хрон.]), привезло в Южный Китай письменный доклад (кит. бъяо). «Сун-шу» в разделе «Во-цзюань» говорит: «Тай-цзу [Вэнь-ди, 424–453], 2-й год Юань-цзя [425]. Цзань опять прислал [посла по имени] Цао-да (яп. Сё-тацу или Томо-мити/ Томо-сато/ Томо-тё) [в ранге] “сыма” (начальник военного отряда, воевода, начальник войскового приказа) поднести доклад [и] дань местными изделиями»² [Сун-шу, Тай-цзу, 2-й год Юань-цзя]. «Нань-ши»: «При Вэнь-ди, во второе лето правления Юань-цзя [Юань-цзя — С.Д.], 425, Цзань ещё прислал Сы-ма Цао-да с докладом и мест-

* Продолжение статьи автора, опубликованной в предыдущем номере [см.: Суровень, 2011, с. 169–194].

¹ См.: [Исида, с. 20; Хасимото, с. 592; Кодзики, 1968, с. 17; Нихон дзэнси, с. 316; Бураку-си..., с. 19; Воробьев, с. 26; Hashimoto, p. 7; Lewin, p. 30; Wedemeyer, p. 105; Нихон-но акэбоно, с. 28, 29; Дьяконова, с. 213].

² [太祖 元嘉二年、讚又遣司馬曹達、奉表獻方物。] [цит. по: Ямао, с. 294].

³ [文帝 元嘉二年、讚又遣司馬曹達、奉表獻方物。] [Нань-ши, св.79-й, Бе-чжуань, Дуньи, Вого-пу].

ными произведениями»³ [Нань-ши, гл. 79, Во-го, 425 год] [Бичурин, с. 44]. В «Цэ-фу вай-чэнь-бу-фэн цэ» под 2-м годом Юань-цзя говорится: «В этот год японский [правитель] Цзань прислал посла поднести доклад (письменный документ) [и] дань местными изделиями»⁴ [Цэ-фу вай-чэнь-бу-фэн цэ, 2-й год Юань-цзя].

В начале царствования государя Идзахо-вакэ (др.-яп. *Изапо-вакэ*/ Р и тō, 426/27—432 испр. хрон.) аябито Вани-киси (Ван Ин) и Ати-но оми были назначены «хранителями сокровищ» [Ямао, с. 294]. Произошло это так. Ати-но атаэ, за помощь новому монарху в борьбе за власть был впервые назначен на пост «казначая» (яп. *кура-но кан*)⁵ [Кодзики, св. 3-й, Ритю; Когосюи, Ритю] [см.: Nihongi, p. 309, pg 1; Когосюи, с. 95; Ивахаси, с. 4]. Он стал во главе «*кура-но тукаса*» (совр.-яп. *кура-но цўкаса* — управления сокровищницы⁶), созданной в 9-й день 1-го месяца 6-го года правления [431/32 год испр. хрон.] для руководства «внутренней сокровищницей» (яп. *ути-кура, ути-но кура*)⁷ [см.: Воробьев, с. 223; Синто..., с. 418, п. 154]. Ути-кура появилась, по сведениям «Когосюи», именно в это время. Ещё со времен Дзимму при дворе Ямато существовала «священная сокровищница» (*ими-кура, ими-но кура*) [см.: Nihongi, p. 309, п. 1; Синто..., с. 417, п. 153], в основном для хранения принадлежностей культа, бывших в распоряжении монархов как верховных жрецов [см.: Суровень, 1998, с. 175—198]. Теперь для хранения личного имущества правителей была создана ути-кура [Reischauer, p. 127; Синто..., p. 417, п. 153; с. 418, п. 418]. «Кроме “священной сокровищницы” [яп. *ими-кура*] была создана “внутренняя сокровищница” [яп. *ути-кура*], где казённая собственность раскладывалась по видам и хранилась» [цит. по: Nihongi, p. 309, п. 1]. «По достижении [царствования государя Ритō, управлявшего Поднебесной] в Позднем дворе Вака-сакура в [местности] Иварэ, Три Кара (кор. Самхан) подносили дань поколение за поколением, не прерываясь. [Поэтому] по-соседству со “священной кладовой” (ими-кура) также построили сверх того дворцовую сокровищницу (*ути-кура* — досл. “внутреннюю сокровищницу”), [чтобы] отдельно получать и помещать казённое имущество (яп. *каммоцу*, кит. *гуāнь'у*)»⁸ [Когосюи, Ритю; Kogoshūi, Richy⁹]. В «Сёку-ин-рэй»

³ 『冊府外臣部封冊』、元嘉二年:「是年、倭讚、遣^レ使奉^レ表獻方物。」[цит. по: Ямао, с. 294].

⁴ 藏官 — яп. *кура-но кан/ дзōкан* — чиновник кладовой/ сокровищницы'. [Кодзики, 1968, с. 227; Кодзики, 2001, с. 314; см.: Kojiki, p. 363, pg 1]; где 藏 — яп. *кура*, кит. *цзан* — *суц.* 1) склад; кладовая; хранилище; амбар; сокровищница... [БКРС, т. 4, с. 267].

⁶ 藏職 — яп. *кура-но тукаса*, яп. *кура-но цўкаса* — управление сокровищницей [Нихон сёки, 1957, с. 329; Нихон сёки, 1997, с. 325]; где 職 др.-яп. *тукаса*, кит. *чжй* — *суц.* 1) должность, служебный пост...; 2) служба; служебные обязанности (функции)...; 3) дело, работа...; 4) управление... [БКРС, т. 4, с. 211]. В «Тайхō-рё»: 職 — яп. *сики* — особое (отдельное) управление какого-либо министерства [Свод законов..., с. 338].

⁷ 内藏 — яп. *ути-кура* — ‘внутренняя сокровищница’; 内藏 — кит. *н'эй-цзан* — 1) дворцовое хранилище, дворцовая сокровищница... [БКРС, т. 3, с. 328].

⁸ 「至^レ於後、磐余稚櫻朝、三韓貢^レ獻奕世、無^レ絶。齋藏之傍更建^レ内藏、分収^レ官物。」 [Когосюи; Когосюи, с. 95].

⁹ Ср.: «В царствование государя (Ритю), жившего во дворце Ноти-но Иварэ-[но] Вака-сакура в [местности] Иварэ, помимо “священной кладовой”, которая до этого времени использовалась [для хранения имущества] и божества и государя, была воздвигнута дворцовая сокровищница (яп. *ути-кура*. — С. Д.), чтобы хранить имущество государева хозяйства, потому что со времён [корейского] похода государыни Дзингу Корея продолжала платить дань Японии, и, следовательно, в течение многих лет наше государственное богатство очень сильно увеличилось» [Kogoshūi, p. 41].

говорится: «Управление “внутренней сокровищницы” имеет одного начальника [управления], который имеет в ведении золото и серебро, драгоценные камни, драгоценную утварь, парчу и атлас, тонкий шёлк, ковры и матрацы, и редкие предметы, присланные как дань различными варварскими народами» [цит. по: Nihongi, p. 309, not. 1]. Для полного обеспечения деятельности «казначей» Ати-но атаэ получил в дар «земли на прокорм» (кит. *лян-ди*)¹⁰ в частную собственность [Кодзики, 2001, с. 315, п. 7] [Кодзики, св. 3-й, Ритю].

По сообщению «Когосюи», в качестве помощника для Ати-но атаэ («записывать приход-расход») был назначен Ван Ин (яп. *Вани*, прибывший из Пэкче в Японию в 405 г. испр. хрон.) [см.: Nihongi, p. 309, not. 1; Воробьев, с. 223]. «По этой причине было приказано Ати-но оми совместно с учёным мужем (яп. *хакасэ*) Вани (кор. *Ван Ином*) из [страны] Кудара (кор. *Пэкче*) записывать этой [‘внутренней сокровищницы’] расход [и] приход. Кроме того, впервые учредили корпорацию сокровищницы (яп. *кура-бэ*, *кура-но бэ* — досл. «управление сокровищницы»)»¹¹ [Когосюи, Ритю; Kogoshūi, Richū¹²]. Таким образом, специально для выполнения функций, связанных с деятельностью «ути-кура», была организована корпорация «кура-но бэ» («корпорация сокровищницы»; ещё читают как *кура-пито-бэ* — ‘корпорация людей сокровищницы’)¹³ из неполноправных свободных, находившихся на государственной службе [Нихон-сёки, св.12-й, Ритю, 6-й год пр., 1-й месяц, 9-й день; Кодзики, св. 3-й, Ритю]. На русский язык термин *кура-хйто-бэ* (др.-яп. *кура-пито-бэ*) ещё переводят как «корпорация “кладовщиков”». Комментаторы текста «Когосюи» указывают, что в штате «великой сокровищнице» (б-кура) насчитывалось 60 человек, в отделе «внутренней сокровищницы» (ути-кура) — 40 человек. Это были люди из корпорации сина-бэ, исполнявшие различные обязанности в данном ведомстве, к ним причислялись и переселенцы с материка, поскольку ведомство контролировало ремесленную деятельность, которую в основном исполняли переселенцы [Синто..., с. 418, п. 155]. Кроме того, по сведениям «Синсэн-сёдзи-року», Ати-но оми стал предком рода Кура-хйто (досл. «людей кладовой / сокровищницы»)»¹⁴ [Синсэн-сёдзи-року, св. 27-й <ая>, Кура-хйто].

Впоследствии, как сообщает «Когосюи», в правление государя Юряку (О-хацусэ, др.-яп. *Опо-патусэ*, 457—479) после создания в 472 г. «Великой сокровищницы», люди из кланов Кōти-фуми-но удзи (Кавати-но фуми др.-яп.

¹⁰ 「給^レ糧地。」 [Кодзики, 1968, с. 227; Кодзики, 2001, с. 314]; где 給 — кит. *цэй* — 2) давать бесплатно, дарить (*что-л.*); жаловать (*чем-л.*)... [БКРС, т. 2, с. 455]; 糧 *вм.* 糧 — кит. *лян* — *сущ.* 1) хлеб в зерне; зерновые, хлеба...; 4) питание, рацион; прокорм (*напр. чиновника*); кормовой, на питание [Там же, с. 210].

¹¹ 「仍令^レ阿知使主与百濟博士王仁記^レ其出納。始更定^レ藏部。」 [Когосюи; Когосюи, с. 95].

¹² Ср.: «Ати-но оми и учёный мудрец Вани из Кудара [кор. *Пэкче*] были поэтому назначены чиновниками, ведущими записи (поступлений на склад. — *С. Д.*), с обязанностью руководства счетами и отчётами [внутренней] сокровищницы, и затем впервые учредили наследственную корпорацию, прикрепленную к [внутренней] сокровищнице [яп. *кура-но бэ*]» [Kogoshūi, p. 41].

¹³ 藏部 — яп. *кура-но бэ* — досл. “корпорация сокровищницы” [Нихон сёки, 1957, с. 329]. В «Когосюи» такие же сведения [см.: Когосюи, с. 95; Nihongi, p. 309, pg 1].

¹⁴ 「藏人(くらひと)。...阿智王の後なり。」 [Синсэн-сёдзи-року, св. 27-й].

Канути-но пуми — ‘западных писцов’, потомков Ван-ина [Kogoshūi, p. 80, pot. 97]) и Ямато-фуми-но удзи (‘восточных писцов’, потомков Ати-но оми¹⁵) были назначены вести учёт и статистические записи или сводки [Радуль-Затуловский, с. 101]. «[Люди] кланов Ямато-но фуми (досл. «восточных писцов») [и] Кавати-но фуми (досл. «западных писцов») вели записи для сверки (яп. *канроку*)¹⁶ [имущества] в их счѣтных книгах (яп. *бо*, кит. *бў* — возможно, на дощечках для записи распоряжений)¹⁷ [трѣх сокровищниц]»¹⁸ [Когосюи, Юряку; Kogoshūi, Yūryaku¹⁹].

Таким образом, указывают исследователи, с того времени начинается усиленное влияние на систему государственного управления Ямато традиций административных систем управления, сложившихся в Корее и Китае. Появление китайских иммигрантов на островах способствовало консолидации централизованного режима [см.: Воробьев, с. 69].

М. Н. Пак указывает, что китайские переселенцы из Пэкче «сыграли важную роль в распространении в соседней Японии (по-корейски: в государстве *Вэ*, или Ямато) не только китайской письменности... а также своих собственных достижений в развитии ремесел и искусств и, очевидно, в составлении официальных хроник и иной литературы» [Пак, с. 9]. Японские исследователи указывают, что запись событий древнеяпонской истории могла начаться в конце IV — начале V в., в царствования государей Ёдзина (Хомуда) и Нинтоку (Ў-садзаки) [Нихон-но акэбоно, с. 171].

Возникновение государственного летописания предположительно можно отнести к началу V в. н. э., когда прибывший из Пэкче в 404 г. [испр. хрон.] ученый муж А-чжи-ки (яп. *Атики*) стал предком рода Атики-но фумибито/фухйто (др.-яп. *пумибито/пунито*)²⁰, чье название записывалось китайским иероглифом *ши* — «историк, придворный летописец». Это могло означать, что фухйто делали какие-то исторические записи (например, как считает Мори Киёси, клановые записи) [см.: Мори, с. 317] [Нихон-сёки, св. 10-й, Ёдзин, 15-й год пр.; Nihongi, X, 10–11]. В «Синсэн-сёдзи-року» прямо упоминается писец-летописец (яп. *фухйто*, кор. *са*, кит. *ши*) по имени Ару-но фухйто (кор. *Ану*), прибывший из Пэкче в Японию и ставший предком рода Курэ-хатори-но мяцуюко (др.-яп. *Курэ-патори-но мяцуюко* — досл. «управляющие

¹⁵ 倭書直氏 — яп. *Ямато-но фуми-но атаи-но удзи* — досл. «клан руководителей в ранге атаи восточных писцов» [Ямао, с. 281; Kogoshūi, p. 80, pot. 97].

¹⁶ 勘録 — яп. *канроку* — досл. «записи для сверки»; где 勘 — яп. *кан*, кит. *кāнь* — гл. 1) сверять, выверять... [БКРС, т. 3, с. 557].

¹⁷ 簿 — яп. *бо* — список; конторская книга [ЯРУСИ, с. 451]; 簿 кит. — *бў* — *суц.* 1) счѣтная книга, реестр, журнал для записей... 2) дощечка для записи распоряжений... [БКРС, т. 3, с. 62].

¹⁸ 「東西文氏 勘録 其簿。」 [Когосюи; Когосюи, с. 96].

¹⁹ Ср.: «...И два рода Фуми (писцов) на восток и на запад от резиденции правителя были назначены чиновниками для того, чтобы вести счѣтные книги для податей, хранимых в трѣх сокровищницах...» [Kogoshūi, p. 42].

²⁰ 「阿直史」 — яп. *Ати-но фумибито* [Кодзика, 2001, с. 266]; 「阿直岐史」 — яп. *Атики-но фумибито* [Нихон сёки, 1957, с. 277]; где 史 — др.-яп. *пуми-бито*, яп. *фуми-бито*; кит. *ши* — [придворный] историограф, летописец [БКРС, т. 4, с. 68].

[ткачихами] уской [южно-китайской] одежды»²¹ [Синсэн-сёдзи-року, св. 28-й, Курэ-хатори-но мияцуко].

Роды фумибито (фухйто) изначально были кланами грамотеев (фуми), производивших необходимые административно-хозяйственные записи (учёт налоговых поступлений, ведение счетов, составление описей, проведение переписей), составлявших документы в дипломатической переписке с соседними странами (Китаем и Кореей) и ставших переводчиками, придворными учёными, придворными историографами и хронистами [Кузнецов и др., с. 42, 43; Сэнсом, с. 69; Судо, с. 13—14; Воробьев, с. 70]. В течение долгого времени они писали только по-китайски [Норито..., с. 222, п. 1; Кузнецов и др., с. 43].

А. Н. Мещеряков указывает, что наиболее многочисленные личные контакты с носителями континентальной культуры осуществлялись не посольствами, а достаточно мощным потоком переселенцев с Корейского полуострова. Как свидетельствуют генеалогические списки «Синсэн-сёдзи-року» (815 г.), в высшей элите японского общества около одной трети людей были недавними выходцами из Кореи [Мещеряков, 1998, с. 87]. Анализ обширного списка родов писцов-историков (др.-яп. *пунито*, яп. *фухйто*) в «Синсэн-сёдзи-року» показывает, что они были переселенцами с континента. К аябито ('ханьцам') относились следующие роды писцов-летописцев. От основателя династии Ранняя Хань императора Гао-цзу [206—195 гг. до н. э.] (через ряд его потомков) происходило несколько родов писцов: **1.** Фуми-но сукунэ (через Луань-вана и Ванина), **2.** Фуми-но имики (через Унико-но обито) [Синсэн-сёдзи-року, св. 21-й]. Потомками основателя династии Поздняя Хань императора Гуан-у-ди [26—57 гг. н. э.] (также через ряд его отпрысков) являлись: **3.** Ябэ-но фухйто (досл. «Восьми дворов писцы-летописцы»). «...Происходят от императора Чжан-ди (76—88 гг.) — внука императора Гуан-у-ди из династии Поздняя Хань»²². **4.** Такэвока-но фухйто. «...Являются потомками Шэнь Цзинь-ван (яп. Син-кин-но кими)»²³. А чуть выше сказано: «...Шэнь Цзинь-ван (яп. Син-кин-но кими) — потомок в седьмом поколении императора Гуан-у-ди из династии Поздняя Хань...»²⁴ [Синсэн-сёдзи-року, св. 28-й]. **5.** Потомками ещё одного императора династии Поздняя Хань Лин-ди (168—188 гг.) был род писцов Танива-но фухйто (досл. «Писцы [области] Танива»). «Являются потомками Кёдзицу-но кими (кит. *Сяожу-вана*) — потомка в 8-м поколении императора Лин-ди из династии Поздняя Хань»²⁵ [Синсэн-сёдзи-року, св. 21-й]. **6.** Потомками безымянного ханьского вана был род Танабэ-но фухйто. «...Происходят от [человека по имени] Тисō (кит. *Чжи-цзун*) — потомка Хань-вана»²⁶. Возможно, под Хань-

²¹ 「呉服造(くれはとりのみやつこ)。百済国の人、阿彌史より出づ。」[Синсэн-сёдзи-року, св. 28-й].

²² 「八戸史(やべのふひと)。後漢の光武帝の孫、章帝より出づ。」[Там же].

²³ 「武丘史(たけをかのふひと)。<...>慎近王の後なり。」[Там же].

²⁴ 「後漢の光武帝の七世孫、慎近王の後なり。」[Там же].

²⁵ 「丹波史(たにはのふひと)。後漢の靈帝の八世孫、孝日王の後なり。」[Там же, св. 21-й].

²⁶ 「田辺史(たなべのふひと)。漢王の後、知惣より出づ。」[Там же, св. 23-й].

ваном имеется в виду Лю Бан (основатель империи Хань, будущий Гао-цзу), носивший до принятия титула императора (кит. *хуан-ди*) звание Хань-ван [см.: Сыма Цянь, с. 187]. Хотя это звание могли иметь и другие люди, управлявшие областью Хань. 7. Дважды в «Синсэн-сёдзи-року» упомянут род писцов-летописцев *О-хара-но фухито*, который «...происходил от ханьца [по имени] Си-син Лингуй (яп. *Сай-сэй Рэйки* — досл. «Рэйки [кит. Лингуй] из западного рода»)»²⁷ [Синсэн-сёдзи-року, св. 21-й, 27-й]. Однако следует обратить внимание, что в 24-м свитке сведения о роде *О-хара-но фухито* помещены в разделе о кланах, предками которых были выходцы из Пэкче. И запись в 24-м свитке отличается от того, что сообщалось в 21-м и 27-м свитках. «[Род] *О-хара-но фухито*. Происходят от ханьцев [из рода] Му-син (кор. *Мок-сонъ*, яп. *Моку-сэй*) [по имени] Алюсу (кор. и яп. *Арюсо*) [и из рода] Си-син (яп. *Сай-сэй*) [по имени] Лингуй (яп. *Рэйки*)»²⁸ [Синсэн-сёдзи-року, св. 24-й]. Судя по всему, эта запись оказалась в разделе родов из Пэкче благодаря первому ханьцу из рода Му-син по имени Алюсу (кор. *Мок-сонъ Арюсо*, яп. *Моку-сэй Арюсо*). По-корейски название китайского рода Му, из которого происходил Алюсу (Арюсо), звучит как «Мок». Из «Суй-шу» известно, что род Мок был одним из восьми знатнейших родов государства Пэкче: «В стране восемь больших фамилий-родов (*сси*): род Са, род Ён, род Хёп, род Хэ, род Чон, род Кук, род Мок, род Мё»²⁹ [Суй-шу, Дунъи-чжуань, Бо-цзи] [цит. по: Ким Бусик, с. 358, п. 44; см.: Бичурин, с. 88]. Следовательно, предки рода *О-хара-но фухито* были китайцами (ханьцами) по происхождению, но прибыли в Японию не сразу из Китая, а через Корею, прожив некоторое время в землях государства Пэкче. Таков список писцов-летописцев из людей аябито. И это не считая родов писцов-летописцев, происходивших из китайского государства Вэй (220—265), а также корейцев (пэкчесцев, силласцев, когурёсцев). Следует обратить внимание на то, что все первые кланы писцов-летописцев (исходя из их наследственных званий [кабанэ] — *обито*, *сукунэ*, *имики*, *фумибито*, *фухито*, которые носила аристократия Ямато) относились к категории знатных полноправных свободных. Им были подчинены созданные позднее корпорации *фумибито-бэ*, *фуми-бэ* и *фуми-но имики-бэ* [ср.: Норито..., с. 222, п. 1] [частица «бэ» указывает на принадлежность этих людей к корпорации неполноправных свободных].

Первое упоминание о начале исторической фиксации событий на местах (по сообщению «Нихон-сёки») относится к 4-му году правления Ритю (429 г. испр. хрон.; трад. 403 г.). Осенью, в 8-й месяц, 8-й день «впервые во всех владениях (яп. *куни*) установлены [должности] провинциальных летописцев (кит. *го-ши*, др.-яп. *куни-но пуми-пито*, совр.-яп. *куни-но фумибито* — досл. «писцы-летописцы области [*куни*]»), [чтобы] записывать слова и дела, передавать

²⁷ 「大原史(おほはらのふひと)。漢の人、西姓令貴 より出づ。」[Синсэн-сёдзи-року, св. 21-й]. То же самое записано в 27-м свитке.

²⁸ 「大原史(おほはらのふひと)。漢の人、木姓阿留素西姓令貴 より出づ。」[Там же, св. 24-й].

²⁹ 「國中 大姓 有^レ八族、沙氏、燕氏、劬氏、解氏、貞氏、國氏、木氏、苗氏。」[Суй-шу, Бо-цзи-цзюань 『隋書』 百濟伝; Суй-шу, Дунъи-цзюань 『隋書』 東夷傳].

(доводить до сведения) желания (или записи) четырех сторон [света]»³⁰ [Нихон-сёки, св. 12-й, Ритю, 4-й год, 8-й месяц]. Примером таких «провинциальных летописцев» являются роды писцов Танива-но фухйто (досл. «Летописцы [области] Танива»)»³¹, Цукуси-но фухйто (досл. «Летописцы [области] Цукуси»)»³², Ябэ-но фухйто (досл. «Летописцы [местности] Ябэ» [в Северном Кюсю, в нынешней префектуре Сага]), Митати-но фухйто (досл. «Летописцы [местности] Митати [уезда Оми области Микава-но *куни*]»), Таруми-но *фухйто*, Ёхара-но фухйто, Фунадо-но фухйто, Ё-агата-но фухйто, Танабэ-но фухйто, Ёсато-но фухйто, Симаки-но фухйто, Маки-но фухйто, Кувахара-но фухйто, Такэвока-но фухйто, Хаяси-но фухйто, Ару-но фухйто. Здесь в первой части кланового звания указывается название местности, где находилось место пребывания данных писцов—летописцев, а далее идёт их наследственное звание «фухйто» [Синсэн-сёдзи-року, свитки 3, 5, 21, 23, 24, 25, 27, 28-й]. Кониси Дзинъити отмечает, что в Ямато в то время были интеллектуалы, способные использовать китайские иероглифы для записи сведений об общественных и частных делах [Konishi, p. 168]. Материалы данных столичных и провинциальных летописцев до нас не дошли³³, но, вероятно, были использованы в более поздних исторических сочинениях.

Исследователи, исходя из характера материалов «Кодзики», пришли к следующему выводу. «Правления “императоров” охарактеризованы с разной полнотой. Для некоторых из них приводятся лишь генеалогические данные, являющиеся единственным общим для всех правлений элементом, структурирующим текст. По всей вероятности, наиболее ранним прототипом летописи послужили генеалогические списки, оглашаемые во время ритуала погребения императора с целью передачи магической силы предков следующему правителю» [Мещеряков, 1991, с. 26]. В «Кэмбриджской истории Японии» говорится: «Предполагают, что приблизительно в V веке японцы обладали разного типа письменными записями на китайском языке, хотя сохранились только некоторые надписи на зеркалах и мечях, а также письмо, которое государь Юряку отправил ко двору китайской династии Сун в 478 году» [The Cambridge...,

³⁰ 「始之於諸國 置^レ國史、記^レ言事、達^レ四方志。」 [Нихон-сёки, 1957, с. 328]; 國史 — яп. *кокуси* / *куни-но фумибито* — «провинциальные летописцы, летописцы во владении (яп. *куни*)», где 史 — яп. *си*, кит. *шй* — 1) история; анналы; летопись; 2) [придворный] историограф, летописец (записывающий слова и деяния монарха); 3) наблюдатель, регистратор. [БКРС, т. 4, с. 68]; 達 — кит. *дэ*, яп. *тацу* — достигать, доходить [до]... передавать (*кому-л.*, *что-л.*), доводить до сведения [БКРС, т. 4, с. 104–105]; 志 — яп. *си*, кит. *чжи* — стремление, желание, воля; *вм.* 誌 — запись, заметка; обзор, описание [Там же, с. 850–851]. Ср.: с переводом В. Астона: «Local Recorders were appointed for the first time in various provinces, who note down statements, and communicated the writings of the four quarters» [Nihongi, p. 307]; в переводе Е. М. Ермаковой и А. Н. Мещерякова: «...Во всех провинциях впервые были учреждены летописцы. Они записывали все события и доставляли записи со всех четырех сторон света» [Нихон сёки, 1997, с. 324]; см. также: [Нихон-но кэнгоку, с. 55; Мори, с. 316; Нихон дзэнси, с. 320; Бураку-си..., с. 20; Коростылев, с. VII–VIII; Радуль-Затуловский, с. 201].

³¹ 「丹波史(たにはのふひと)。」 [Синсэн-сёдзи-року, св. 21-й].

³² 「筑紫史(つくしのふひと)。」 [Там же].

³³ Может быть, погибли или сгорели (например, при пожаре 645 г., когда погибло несколько исторических источников [Нихон сёки, св. 24-й, Когёку, 4-й год, 6-й месяц, 13-й день; Nihongi, XXIV, 25].

р. 170]³⁴. Таким образом, какие-то письменные материалы должны были существовать. Без них просто невозможно создать хронику за длительный период, но характер этих материалов неизвестен. Кроме документов двора Ямато, это могли быть и какие-нибудь местные документы (вроде генеалогических списков кланов [см.: Воробьев, с. 5, 6, 9; Мори, с. 317] или записей о корпорациях).

На такую мысль наводит сообщение «Нихон-сёки» о том, что уже на следующий год после создания должностей провинциальных летописцев [в 430 г. испр. хрон.] «главный хранитель повозок, Курума-моти-но кими, отправился в Цукуси-но куни, чтобы сделать перепись (яп. *котоготоку катори* — досл. «полное исчисление»)³⁵ [подведомственной ему] корпорации Курума-моти-бэ, и взял с собой людей из корпорации жрецов каму-бэ (кит. *сышэнь-чжэ*; др.-яп. *камубэ-ра-тами* — досл. «те, кто [связаны] со смертью»[?])³⁶» [Нихон-сёки, св. 12-й, Ритю, 5-й год пр., 10-й месяц] [см.: Нихон сёки, 1997, с. 325]. Как видно из сообщения, люди жреческой корпорации каму-бэ также способны были составлять документы. Подобные реестровые списки упомянуты в 485 г.: «[Имя его] вычеркнули из посемейных списков (кит. *цзи-чжан* — досл. «реестровых свитков»)³⁷...» [Нихон-сёки, 1957, с. 409; см.: Нихон сёки, 1997, с. 385]. О родословной Отараси-хэйко³⁸ (др.-яп. *Опотараси-нико/Кэйкё*, 337 — около 343 г. испр. хрон.) в «Кодзики» сообщается: «Всего детей у государя Опотарасипико — занесённых в реестры (яп. *року*. — С. Д.) двадцать один»³⁹. Исследователи указывают, что в те ранние годы просвещённости знание письменности в основном использовалось для ведения отчётов, проверки государственных назначений на должность и для заверки линии генеалогического происхождения знатных лиц [The Cambridge..., р. 170; Судо, с. 14]. Д. Э. Миллс указывает: «Кажется разумным предположить, что однажды стало возможным, с введением в Японии китайской письменности, иметь и вести записи. Они должны были вестись не только для официальных, но также и для частных целей и что по крайней мере правящие роды должны были иметь традицию поручать [кому-либо] делать записи. Как рано такая практика могла развиваться,

³⁴ Перевод письма на русский язык см.: [Суровень, 2008, с. 16–18].

³⁵ 「車持君行^レ於筑紫國而悉校^レ車持部。兼取^レ死神者。」 [Нихон-сёки, 1957, с. 329]; где 悉 — кит. *сй* — наречие «полностью, всецело, целиком, сполна; досконально, подробно; все, всё» [БКРС, т. 4, с. 887]; 校 — яп. *катори*; *ошибка* (см.: Нихон-сёки, 1957, с. 329, прим.) вм. 校 — кит. *цзяо* — глагол 1) сверять (тексты); выверять...; 6) считать, исчислять; мерить [БКРС, т. 4, с. 55].

³⁶ 死神者 — яп. *камубэ-ра-но тами* — досл. «люди из жреческой корпорации» [Нихон-сёки, 1957, с. 329]; в тексте употреблён знак 死, который, видимо, является ошибкой, вм. 死 — кит. *сы* — умирать, умерший; смерть [БКРС, т. 7, с. 303]; где 死神 — кит. *сышэнь* — смерть [Там же, с. 304].

³⁷ 籍帳 — кит. *цзи-чжан* — досл. «реестровые свитки» [Нихон-сёки, 1957, с. 409]; где 籍 — кит. *цзи* — *суц.* 1) дощечки для письма; записи; опись, каталог; книги... 2) список, реестр (особенно: *кадастровый, фискальный*); 3) место приписки... [Там же, т. 2, с. 560]; 帳 — кит. *чжан* — *суц.* ...3) *бухг.* счёт, опись... 5) свиток (с надписью)... [Там же, т. 3, с. 409].

³⁸ О нём см.: [Суровень, 2002, с. 180–196].

³⁹ 「凡此大帶日子天皇之御子等所録^レ廿一王。」 [Кодзики, 1968, с. 123; Кодзики, 1994, с. 68]; где 録 — яп. *року*, кит. *лү* — гл. 1) делать записи, отметки, записывать...; *суц.* 1) запись... список, опись, перечень, каталог... [БКРС, т. 3, с. 819].

мы не знаем...» [Mills, p. 120]. Однако Судо Кадзуаки отмечает, что знатные люди разных рангов стремились оставить о себе память в виде родовых записей [Судо, с. 14].

Распространение письменности и начало письменной фиксации событий порождали необходимость увеличения штата ведомств, в которых работали писцы. Поэтому при Юряку в 10-м месяце 458 г. была создана корпорация писцов-летописцев фуми-хйто-бэ (др.-яп. *пуми-пито-бэ*), при этом определили дворы людей фуми-хйто-ко (др.-яп. *пуми-пито-ко*)⁴⁰. Многие из членов этой корпорации были натурализовавшимися иммигрантами из Кореи [см.: Konishi, p. 252, not. 30; p. 310, 433]. В «Синсэн-сэдзи-року» сообщается, что корпорация фуми-хйто-бэ (записано иероглифами: *фуми-хйто-ко* — досл. «дворы летописцев») «...являлись потомками Хань-ши Дэн Дэ (яп. *Кан-си Тō Току* — досл. «[человек по фамилии] Тō [имени] Току из южнокорейского рода») — человека из [города] Хань-чэна»⁴¹ [Синсэн-сэдзи-року, св. 27-й, Фуми-хйто-бэ]. В «Нихон-сёки» упоминаются имена двух членов этой корпорации фуми-хйто-бэ, которым особо благоволил государь Юряку — это Муса-но сугури Ао (др.-яп. Аво) и Хакатоко (др.-яп. *Пагатоко*), занимавшего пост Хи-но Кума-но тами-но цукаи (др.-яп. *Пи-но Кума-но тами-но тукати*) [см.: Нихон сёки, 1997, с. 349; Konishi, p. 310]. Исследователи отмечают, что имена этих писцов ясно указывают на их корейско-китайское происхождение (из потомков ханьских поселенцев) [см.: Konishi, p. 310; Нихон сёки, 1997, с. 481, п. 16], т. е. на принадлежность к аябито.

В «Нихон-сёки» и «Синсэн-сэдзи-року» рассказывается история, произошедшая в 6-м месяце 465 г. с людьми из двух родов писцов — Хаку-сон (др.-яп. *Паку-сон*), из клана Танабэ-но фубито (яп. *фухйто*, др.-яп. *пубито*), и Карё, из клана Фуми-но обито (др.-яп. *Пуми-но обито* — досл. «глав писцов», основателем которого был Ван Ин [см.: Воробьев, с. 68; Игнатович, с. 41], прибывший в Японию в 405 г. [испр. хрон.]). Исследователи подчёркивают, что Паку-сон и Карё — имена выходцев с материка (китайско-корейского происхождения)⁴² [Нихон сёки, 1997, с. 484, п. 52]. «Синсэн-сэдзи-року» с некоторыми подробностями тоже говорит об этих событиях. Источник поясняет, что люди рода Танабэ-но фухйто являются отпрысками Тоёки-ири-хйко-но микото — сына государя Мимаки (Судзина) через его потомка в 5-м поколении по имени Така-

⁴⁰ 史人部 — др.-яп. *пуми-пито-бэ*, яп. *фуми-хйто-бэ* — досл. «корпорация писцов-летописцев»; 史人戸 — др.-яп. *пуми-пито-ко*, яп. *фуми-хйто-ко* — досл. «дворы писцов-летописцев»; причём в примечаниях к изданию «Нихон сёки» сделано примечание, что в одном из списков вместо иероглифа 戸 — яп. *ко* («двор») использован иероглиф 部 — яп. *бэ* («корпорация», «подчинённые люди») [Нихон-сёки, 1957, с. 364; см.: Konishi, p. 310].

⁴¹ 「史戸(ふみひとべ)。漢城の人、韓氏鄧徳の後なり。」[Синсэн-сэдзи-року, св. 27-й].

⁴² 加龍 — яп. *Карё*, кор. *Карён*, кит. *Цзялун*; 伯孫 (в «Нихон сёки»), 百尊 (в «Синсэн-сэдзи-року») — др.-яп. *Паку-сон*, яп. *Хаку-сон*, кор. *Пэк-сон* (по «Нихон-сёки») или *Пэк-чон* (по «Синсэн-сэдзи-року»), кит. *Бо-сунь* (по «Нихон-сёки») или *Бо-цзунь* (по «Синсэн-сэдзи-року») [Нихон сёки, 1957, с. 378; Синсэн-сэдзи-року, св. 3-й].

хасэ-но *кими*⁴³, потомками которого, в свою очередь, были Нука-но кими и его сын — Хаку-сон, живший в правление государя Юряку⁴⁴.

В «Нихон-сёки» говорится: «Осенью, в 7-м месяце⁴⁵, в день новолуния мидзуноэ-но тацу (т. е. в 1-й день месяца. — С. Д.) из провинции Капути-но куни донесли: “Дочь человека по имени Паку-сон из рода Танабэ-но пубито, в уезде Асука-бэ, [была] замужем за Карё, Пуми-но обито, из уезда Пуруити...”» [Нихон сёки, 1997, с. 361]. «Синсэн-сёдзи-року» уточняет: «В царствование государя Ё-хацусэ-но Вакатакэ-но сумэра-микото (посмертное почётное имя [кит. *шуй*] — Юряку) [жил] сын Нука-но кими [по имени] Хаку-сон... Сыном Хаку-сона [был] Таку-сон. [Его] внуком [был] Сира. [Ему] в царствование [государыни, получившей] посмертное почётное имя (кит. *шуй*) Когёку (642—645) было даровано правительницей заливное поле (*та*) в [местности] Ямасйта [области] Кавати (др.-яп. Капути). Как объясняют документы (бунсё), по этой причине [Сира] стал [носить наследственное звание] Танабэ-но фубито...»⁴⁶ [Синсэн-сёдзи-року, св.3-й, (98) Симоцукэно-но асоми, Камицукэно-но асоми].

Кониси Дзиньити указывает, что корпорации фуми-хйто-бэ была поручена запись событий того времени, а также древних легенд [см.: Konishi, p. 252; 252, nr 30; 310, 433]. Акима Тосио, исследуя сказание о Корейском походе государыни Дзингү, пришёл к выводу, что его ядро сложилось в V в. — в период «пяти правителей» Японии (яп. *ва-но го-д*)⁴⁷, так как претензии на главенство Японии над корейскими государствами были зафиксированы в V в., что нашло отражение в китайской хронике «Сун-шу», где приведён текст писем, посланных японскими государями к китайским императорам в V в. Японские правители требовали, чтобы китайцы признали японское главенство над южной Кореей [Акима, р. 163]. А эта идея заложена в японской интерпретации итогов Корейского похода государыни Дзингү. По мнению Кониси Дзиньити, различные сказания (*сэцува*)⁴⁸ были записаны, очевидно, во второй половине V в. Но

⁴³ 「(左京、皇別) 下毛野朝臣。崇神天皇、皇子 豊城入彦命之後也。日本紀合。(左京、皇別) 上毛野朝臣。下毛野朝臣、同祖 豊城入彦命、五世孫多奇波世君之後也。[Синсэн-сёдзи-року, в 3 ч., с. 168]; ср.: とよきいりひこのみこと 「下毛野朝臣(しもつけののあそみ)。崇神天皇の皇子、豊城入彦命の後なり。日本紀に合へり。上毛野朝臣(かみつけののあそみ)。下毛野朝臣と同じき祖。豊城入彦命の五世孫、たかはせのきみ 多奇波世君の後なり。」 [Синсэн-сёдзи-року, св. 3-й].

⁴⁴ 「大泊瀬幼武天皇[諡雄略]。御世、努賀君、男百尊。」 ср.: 「おほはつせのわかたけのすめらみこと 大泊瀬幼武天皇 [諡は雄略]の御世に、ぬかのきみ 努賀君 こはくそん の男、百尊。」 Там же.

⁴⁵ В русском переводе указание на «7-й месяц» пропущено [ср.: Нихон сёки, 1997, с. 361; Нихон сёки, 1957, с. 378].

⁴⁶ 「大泊瀬幼武天皇[諡雄略]。御世、努賀君、男百尊...百尊、男徳尊。孫斯羅。諡皇極。御世、賜河内山下、田。以解文書、為田辺史。」 [Синсэн-сёдзи-року, в 3 ч., с. 168]; ср.: おほはつせのわかたけのすめらみこと 「大泊瀬幼武天皇 [諡は雄略]の御世に、ぬかのきみ 努賀君 こはくそん の男、百尊...百尊の男、とくそん 徳尊。孫、斯羅。諡は皇極の御世に、河内の山下の田を賜ひ、文書を解れるを以て、たなべのふひと 田辺史と為れり。」 [Синсэн-сёдзи-року, св. 3-й].

⁴⁷ 倭の五王 — яп. *ва-но го-д* — досл. «пять японских правителей» [Акима, р. 163].

⁴⁸ 説話 — яп. *сэцува* — повествование, предание; легенда [ЯРС, с. 498].

до начала VII в. эта запись была в некрупных размерах [Konishi, p. 252; 252, п. 30; 310, 433]. Исследователь подчёркивает, что наличие таких канцелярских работников может объяснить то, как люди Ямато были способны составлять официальные документы, адресованные двору китайской династии Сун [Konishi, p. 310].

Благодаря заслугам китайских переселенцев, среди японской придворной знати также стал распространяться китайский письменный язык вэньянь (яп. *камбун* — досл. «ханьские письма») ⁴⁹ [см.: Пасков, с. 72; Кузнецов и др., с. 43]. Исследователи указывают, что распространению китайской письменности в Японии способствовало к о н ф у ц и а н с т в о, завезённое в страну в V в. [см. об этом: Кузнецов и др., с. 43] китайцами (в 405 г. [испр. хрон.] [см.: Aston, p. 46; Nihongi, p. 262, nr 5; The Cambridge..., p. 454]. Ван Ин привез с собой конфуцианский сборник речей Конфуция «Лунь-юй» ⁵⁰, который содержал основные сведения о классических учениях её мудрецов [Нихон сёки, 1997, с. 466, п. 32]). Желание дойти до истоков конфуцианской доктрины было серьёзным стимулом к развитию образованности среди японцев [Сэнсом, с. 70]. Правда, Дж. Б. Сэнсом так определяет способности я п о н с к и х учеников того времени. «Необходимо, однако, сделать некоторое различие между письмом и чтением. По ряду причин... научиться читать по-китайски намного проще, чем писать, и поэтому, вероятно всего, многие ученики-японцы могли с помощью учителя читать по складам отрывки из китайских книг, но сами не были способны составить текст или написать больше чем несколько китайских иероглифов. Постепенно, под руководством иностранных наставников, они приобретали некоторые знания о содержании канонических книг, привезённых в Японию — это “Лунь-юй” (“Беседы и суждения”)... затем пять главных классических рукописей — “Ши-цзин” (“Книга песен”), “Шу-цзин” (“Книга документов”), “Ли-цзин” (“Книга ритуалов”), “И-цзин” (“Книга перемен”), “Чунь-цю” (“Весны и осени”). Возможно, главным препятствием быстрому распространению письменности в Японии была чисто техническая трудность передачи слов агглютинативного, полисиллабического языка (каковым является японский) — знаками, созданными для моносиллабического китайского, — трудность, усиленная различием в произношении звуков в этих языках. До появления подходящего способа передачи... японец, чтобы использовать китайское письмо, должен был выучить китайский язык, совершенно отличный от японского по словарному составу, синтаксису и идиомам» [Сэнсом, с. 69–70]. Судо Кадзуаки указывает, что для японцев было очень сложно писать по-китайски правильно. Недостаточное знание китайского языка приводило к тому, что люди путали похожие иероглифы, нарушали порядок слов, вставляли лишние иероглифы. Содержание таких текстов не позволяло отнести их к текстам, написанным правильным китайским языком [Судо, с. 16]. Потребовались один-два века, пока японцы стали способными воспринять китайскую культуру с помощью китайских иероглифов [см.: Konishi, p. 310]. Однако исследователи полагают,

⁴⁹ 漢文 — яп. *камбун* — досл. «ханьские письма».

⁵⁰ 『論語』 — кит. *Лунь-юй* [Кодзики, 2001, с. 266; см.: Ямао, с. 281].

что в V в. японцы уже имели различные типы систем письма на китайском языке, хотя с тех времён сохранились только надписи на зеркалах и мечях, а также письмо Юряку 478 г. [см.: The Cambridge..., p. 170].

Так или иначе, большое количество версий в тексте «Нихон-сёки» даёт основание ученым предполагать, что сильные и могущественные роды имели своё представление о мифологической истории и, может быть, даже письменные своды на этот счет [см.: Ермакова, с. 46; см.: Судо, с. 14], которые прежде всего составлялись китайско-корейскими иммигрантами, находившимися на службе у отдельных кланов, хотя и сами японцы могли попытаться применить свои навыки для составления каких-нибудь кратких и простых записей. Сама многовариантность повествования «Нихон-сёки» свидетельствует о том, что при составлении свода использованы данные, хранителями которых были разные роды [Мещеряков, 1997, с. 93]. Примером сохранившейся краткой генеалогии отдельного знатного рода Ямато является эпитафическая надпись (состоит из 115 иероглифов) на мече из кургана Инарияма (датируемая 471 г. [см.: Дой и др., с. 376; The Cambridge..., p. 454; Ямао, р. 371; Hong, p. 257, nr 4; Мещеряков, Грачёв, с. 128]), где перечислены восемь поколений предков по мужской линии некоего Вовакэ-но оми (Вовака-но оми), родоначальником которых назван основатель рода Абэ-удзи — Опо-пико (совр.-яп. *Ō-hiko*) — сын государя Кōгэна (начала IV в. [испр. хрон.]) [см.: Ямао, с. 362, 367]. Другим примером может служить древнеяпонский источник «Фудай» («Генеалогии» — досл. «Ранги [порядок] в систематической родословной записи [реестре]») ⁵¹, цитируемый в «Нихон-сёки» [см.: Нихон-сёки, 1957, с. 400; см.: Нихон-сёки, 1997, с. 376] и «Кудзи-хонки» (во вводной части раздела «Кэндзо-тэннō»), сообщающий некоторые генеалогические сведения о кланах второй половины V в. Цитата рассказывает о семье отца Кэндзо — принца Итинобэ-но Осипа [Нихон-сёки, св. 15-й, Кэндзō; Кудзи-хонки, св. 8-й (8), Кэндзō]. Генеалогические материалы были использованы при составлении «Тэйки» и «Кудзи» в первой половине VI в., а также при написании в 620 г. «Тэннō-ки», «Кокъюки» и «Хон-ки». Такие клановые записи были затребованы правительственными органами в 691 г. «Восемнадцати родам было приказано представить записи о могилах их предков...» (др.-яп. *нака-но туми*, яп. *хака-но фуми*) ⁵², представлявших собой некое подобие родословных, генеалогические материалы которых использовались при составлении исторических сочинений [Нихон-сёки, св. 30-й, Дзито, 5-й год, 8-й месяц, 13-й день] [Нихон-сёки, 1997, с. 386, п. 99; Мещеряков, 1997, с. 92]. Таким образом, материалы источников показывают, что в V—VII вв. существовало значительное количество

⁵¹ 譜第 — яп. *Фудай* [Нихон-сёки, 1957, с. 400; см.: Нихон-сёки, 1997, с. 376]. 譜第 — кит. *nǚdì* — 1) происхождение, родословная; генеалогия; 2) родня, родственник; где 譜 — кит. *nǚ* — сущ. 1) систематическая записи (особенно: родословная); схема (особенно: родословное древо); систематический (порядковый) перечень; список, реестр [БКРС, т. 2, с. 555]; 第 — кит. *dì* — сущ. 1) ряд, порядок; серия; ранг; степень...; гл. 1) определить порядок (ранжир), расставить по порядку [Там же, т. 3, с. 547].

⁵² 「詔十八氏... 上進^レ其祖等 墓記。」 [Нихон-сёки, 1957, с. 411; Нихон-сёки, 1997, с. 283; см.: Уэда и др., с. 275].

«клановых историй», содержащих генеалогию и краткую историю отдельных знатных родов Ямато, которые, по-видимому, были записаны не без участия китайско-корейских переселенцев.

Исследователи указывают, что, несмотря на ограниченное количество известных нам древнеяпонских письменных материалов V в., анализ того, что дошло до нас, подтверждает предположение, что первые хроники Японии, особенно «Нихон-сёки» и «Кодзики», базировались на источниках V–VI вв., которые уже больше не существуют, а также на информации, полученной из летописей Пэкче [см.: The Cambridge..., p. 170].

Кроме того, эпиграфические тексты V в. показывают, что китайские иероглифы в японских текстах стали использоваться фонетически, в качестве силлабем (знаков, обозначающих слог), для передачи звукового состава японских слов [см.: Иофан, с. 89, п. 2; Пинус, с. 291] — существительных, которые являлись собственными именами (названия местностей, официальные звания и титулы, имена людей) [см.: Murayama, Miller, p. 405]. Здесь были реализованы заложенные в китайской письменности возможности передачи звучаний слов. Связано это с тем, что китайская письменность, изначально базируясь на пиктографических и идеографических знаках, развиваясь, со временем включила в свой состав большое количество фоноидеограмм (использующие при одинаково звучащих сложных графемах-фонетиках так называемые «ключи» — детерминативы, обозначающие разные группы вещей и явлений) [см.: Крюков и др., с. 222–223]. Фоноидеографическая структура многих иероглифов делала возможным использование чисто фонетического способа письма, так как произношение таких иероглифов было предсказуемым для опытного читателя в силу того, что было фиксированным в каждом диалекте китайского языка. В этом случае можно было использовать определённые знаки чисто фонетически без учёта его значения. И нашлись люди, которые смогли реализовать эту возможность [см.: The Cambridge..., p. 460–461]. Ещё начиная с III в. н.э. китайцы сами изобрели такой способ транскрибирования иностранных слов, пришедших в Китай из Индии через Центральную Азию вместе с буддийскими манускриптами. Некоторые слова санскритского языка и имена китайцы приняли как часть своего буддийского словаря и читали их по слогам, используя иероглифы только в их фонетическом качестве. Именно эта система, уже используемая в буддийских записях, попала в Корею и (видимо, при посредстве переселенцев) Японию. Китайские иероглифы в Корее нередко стали использовать исключительно для записи звучания корейских слов, вне связи с их значением [см.: Курбанов, с. 25; The Cambridge..., p. 306; Пинус, с. 290, 291]. Данную систему письма, полученную из Китая, японцы применили для транскрибирования слов своего родного языка, который (подобно санскриту) был полисиллабическим [см.: The Cambridge..., p. 461]. Подобный способ записи применялся и в материалах, существовавших до «Кодзики», в том числе и не дошедших до нашего времени [см.: Пинус, с. 291]. Сначала транскрибировались отдельные слова: антропонимы (имена людей), титулатура (титулы правителя и наследственные звания) [см.: Мещеряков, Грачёв, с. 106] и топонимы (географические названия). Так, в «Нихон-сёки» (в начале раздела о

государе Юряку, где рассказывалось о деяниях 456 г.) есть примечания, указывающие на существование каких-то записей, фиксирующих события того периода, в которых японские личные и клановые имена уже фиксировались китайскими иероглифами (отсутствие в этих первоисточниках указаний на эти имена и привело к появлению данных примечаний): «В тот день один из сановников (др.-яп. *оно-тонэри*. — С. Д.) двора (иероглифы его рода отсутствуют...)» [Нихон сёки, 1997, с. 343] (досл. «недостаёт [яп. *какэру*⁵³] иероглифов его наследственного звания [яп. *кабанэ*]») ⁵⁴; «Приближенные (яп. *тонэри-домо*. — С. Д.) принца (их имена отсутствуют)...» [Там же, с. 345] (досл. «недостаёт [яп. *какэру*] иероглифов его личного имени [яп. *на*]») ⁵⁵. В дальнейшем это создавало основу для перехода к фонетическому транскрибированию отдельных частей текста (песен, сакральных формул, религиозных текстов и т. п.), а затем — и к фонетической системе записи текстов целиком [см.: Konishi, p. 336; Судо, с. 7]. Лингвистические особенности эпиграфических надписей V в. указывают на начало процесса адаптации китайской письменности для нужд японского языка (при этом угадывается роль корейского языка как посредника между китайским и японским). Не прямая имитация, а некоторое переосмысление исходных реалий говорит об окончании этапа слепого ученичества [см.: Мещеряков, Грачёв, с. 106].

Таким образом, можно отметить несколько направлений в развитии японского общества, государства, культуры и народности, где влияние китайско-корейских переселенцев из этнической группы аябито в V в. проявилось наиболее ярко. Во-первых, прежде всего это роль аябито в распространении китайской письменности. Во-вторых, китайцы на Японских островах стали проводниками китайской учёности. В-третьих, их знания были применены на государственной службе и для государственного строительства, с данного времени началось влияние традиций китайской и корейской системы государственного управления на развитие древнеяпонской государственности. В-четвёртых, навыки и знания людей аябито оказались очень полезными в международных отношениях, и в частности в дипломатической деятельности. В-пятых, по-видимому, с людьми аябито связано появление летописания, традиции фиксации событий при дворе Ямато и на местах, составление первых (в основном не дошедших до нас) кратких исторических записей о делах в государстве и историй отдельных знатных родов, письменной фиксации генеалогического материала. В-шестых, именно китайско-корейские переселенцы сделали первые попытки приспособить использование китайских иероглифов для записи японских слов и японских предложений, что имело далеко идущие последствия. Наконец, количество переселенцев оказалось таким значительным, что они, постепенно смешавшись с коренным населением, оказали влияние на этнический облик древних японцев.

⁵³ 闕 — яп. *какэру*, в соч.: *кэцу* — доставать; омоним. и синоним. 欠 — см.: [ЯРУСИ, с. 619; ЯРС, с. 218].

⁵⁴ 「大舍人 (闕^レ姓字也)...」 [Нихон-сёки, 1957, с. 358].

⁵⁵ 「其舍人等 (闕^レ名字也)...」 [Там же, с. 359].

- Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшее время. Т. 2. М.; Л., 1950.
- БКРС — Большой китайско-русский словарь. М., 1983. Т. 2—4.
- Бураку-си-ни* кансүру соготэки кэнкю *部落史に関する総合的研究*. Токио, 1956.
- Воробьев М. В.* Япония в III—VII веках. М., 1980.
- Дой Тосиро* 土肥 俊郎, *Касай Тосио* 河西 敏雄, *Накадзима Тосихару* 中島 利治, *Самицу Ямато* 佐光 大和. Сайтама-кофун-кара-но сюцудохин (кинсаку-мэй тэцүкэн)-но сайгэн какбони кан-суру кэнкю 埼玉古墳からの出土品 (金錯銘鉄剣) 再現加工に関する研究 // *Нихон кйкай-гаккай бунсё* (“С” хэн) *日本機械学会文集* (С編). 1995. Ноябрь. Т. 61, № 591. С. 375—381.
- Дьяконова Е. М.* Древняя Япония // *История древнего мира: упадок древних обществ*. М., 1989. С. 211—219.
- Ермакова Л. М.* «Нихон сёки» — культурный полицентризм и выбор культуры // *Нихон сёки : анналы Японии*. СПб., 1997. Т. 1. С. 5—70.
- Ивахаси Коята* 岩橋 小彌太. Дзёдай канри сэйдо-но кэнкю 上代官吏制度の研究. Токио, 1964.
- Игнатович А. Н.* Буддизм в Японии : очерк ранней истории. М., 1987.
- Иофан Н. А.* Культура древней Японии. М., 1974.
- Исида Итирō* 石田 一浪. Синва то рэкйси 神話と歴史. Токио, 1960.
- Ким Бусик*. Самгук саги. Т. 2. М., 1995.
- Когосюи // *Синто: путь японских богов*. Т. 2. СПб., 2002. С. 84—100.
- Когосёби* (в одном свитке [с предисловием]) *古語拾遺* 一卷 【加序】 [Электронный ресурс] // *Когосёби 『古語拾遺』*. Токио, 1985. URL: <http://www.neonet.to/kojiki/siryu/kogojuu1.txt>.
- Кодзики* *古事記*. Токио, 1968. Т. 2. (Нихон котэн дзэнсё 日本古典全集).
- Кодзики* *古事記*. Токио, 2001. («Нихон котэн бунгаку дзэнсё 日本古典文学全集»).
- Коростылев В.* Очерк истории Японии. СПб., 1888.
- Крюков М. В., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н.* Древние китайцы: проблемы этногенеза. М., 1978.
- Кузнецов Ю. Д., Навлицкая Г. Б., Сырицын И. М.* История Японии. М., 1988.
- Курбанов С. О.* Курс лекций по истории Кореи: с древности до конца XX века. СПб., 2002.
- Мещеряков А. Н.* «Нихон сёки»: историческая мысль и культурный контекст // *Нихон сёки : анналы Японии*. СПб., 1997. Т. 1. С. 71—110.
- Мещеряков А. Н.* Древняя Япония: культура и текст. М., 1991.
- Мещеряков А. Н.* Информационные и коммуникативные процессы в эпоху Нара (710—784) // *Корея: история, экономика, культура, филология*. М., 1998. С. 82—95.
- Мещеряков А. Н., Грачёв М. В.* История древней Японии. М., 2002.
- Мори Киётō* 森清人. Нихон синси 日本新史. Токио, 1962.
- Нань-ши*. Свиток 79-й : Бе-чжуань, Дуньи, Вогу-пу 『南史』卷七十九 列伝 東夷 倭國条. URL: <http://www.rekihaku.ac.jp/kenkyuu/shinpo/nito.html>.
- Нихон дзэнси* 日本全史. Т. 1. Токио, 1958.
- Нихон сёки : Анналы Японии*. СПб., 1997. Т. 1.
- Нихон-сёки* 日本書紀 («Кокуси-тайкэй» 国史大系). Токио, 1957. Ч. 1. Т. 1.
- Нихон-но акэбоно* 日本のあけぼの / сост. Сано Ямато 佐野 大和. Токио, 1959.
- Нихон-но кэнгоку* 日本の建国. Токио, 1957.
- Норито. Сэммё. М., 1991.
- Пак М. Н.* Ким Бусик как историк // *Ким Бусик*. Самгук саги. Т. 2. М., 1995. С. 9—32.
- Пасков С. С.* Япония в Раннее Средневековье. М., 1987.
- Пинус Е. М.* У истоков японской письменности // *Кодзики : записи о деяниях древности : свиток 1-й*. СПб., 1994. С. 285—296.
- Радуль-Затуловский Я. Б.* Конфуцианство и его распространение в Японии. М.; Л., 1947.
- Свод законов «Тайхорё». Т. 1. М., 1985.

- Синсэн-сёдзи-року* : в 3 ч. 新撰姓氏録 // *Сазки Арикиё* 佐伯有清. “Синсэн-сёдзи-року”-но кэнкё. Хомбун-хэн 『新撰姓氏録の研究 本文篇』. Токио, 1962.
- Синсэн-сёдзи-року. Свитки 1–30 新撰姓氏録. 全三十卷 // 佐伯有清 『新撰姓氏録の研究 本文篇』 (*Сазки Арикиё*. Исследование “Синсэн-сёдзи-року”. Основной текст. Токио, 1962) // URL: <http://www.h4.dion.ne.jp/~munyu/sujroku.html>.
- Синто: путь японских богов : очерки по истории синто. Т. 1. СПб., 2002.
- Судо Кадзуаки*. Японская письменность от истоков до наших дней. М., 2006.
- Суй-шу : Бо-цзи-цзюань 『隋書』百濟伝. URL: <http://members3.jcom.home.ne.jp/sadabe/kanbun/kudara-kanbun7-zuisho.htm>.
- Суй-шу : Дунъи-цзюань 『隋書』東夷傳. URL: <http://www.ceres.dti.ne.jp/~alex-x/kanseki/zui-toui.html>.
- Суровень Д. А.* Основание государства Ямато и проблема Восточного похода Каму-ямато-иварэ-бико // Историко-юридические исследования российского и зарубежных государств. Екатеринбург, 1998. С. 175–198.
- Суровень Д. А.* Экспансия государства Ямато в Южной Японии в конце 30-х годов IV века н.э. в правление Огараси-хэйко (государя Кэйко) // Пробл. отеч. и зарубеж. истории, теории и методики обучения истории. Екатеринбург, 2002. С. 180–196.
- Суровень Д. А.* Японо-корейские и японо-китайские отношения и внешняя политика государства Ямато в конце 50-х – 70-е годы V века // Урал. востоковедение : междунар. альманах. Екатеринбург, 2008. Вып. 3. С. 16–18.
- Сыма Цянь*. Исторические записки. Т. 2. М., 2003.
- Энсон Дж. Б.* Япония. Краткая история культуры. СПб., 1999.
- Уэда Масааки* 上田 正明, *Мори Кёити* 森浩一, *Ямада Мунэмуцу* 山田 宗睦. Нихон кодай-си 日本古代史. Токио, 1980.
- Хасимото Масукити* 橋本 増吉. Тоё-си-дзё-ёри митару нихон дзё-ко-си кэнкё 東洋史上より見たる日本上古史研究. Токио, 1956.
- Ямао Юкихиса* 山尾 幸久. Нихон кодай фкэн-кэйсэй сирон 日本古代王権形成史論. Токио, 1983. ЯРС – Японско-русский словарь. М., 1984.
- ЯРУСИ – *Фельдман-Конрад Н. И.* Японско-русский учебный словарь иероглифов. М., 1977.
- Akima Toshio*. The Myth of the Goddess of the Undersea World and the Tale of Empress Jingy's Subjugation of Silla // Jap. J. of Religious Studies. 1993. № 20/2–3. P. 95–185.
- Aston W. G.* Early Japanese History // Trans. of the Asiatic Society of Japan. Yokohama, 1889. Vol. 16. P. 39–75.
- Hashimoto Masukichi*. Ancient Japan Studied in the Light of Far Eastern History // *Хасимото Масукити*. Тоё-си-дзё-ёри-митару нихон-дзё-ко-си-кэнкё. Токио, 1956. P. 1–7.
- Hong Wontack*. Paekche of Korea and the Origin of Yamato Japan. Seoul, 1994.
- Kogoshū: Gleanings from Ancient Stories. Tokyo, 1926.
- Kojiki: Records of Ancient Matters / Transl. by B.H. Chamberlain. Tokyo, 1982.
- Konishi Jin'ichi*. A History of Japanese Literature: The Archaic and Ancient Ages. Princeton, 1984. Vol. I.
- Lewin B.* Aya und Hata. Wiesbaden, 1962.
- Mills D. E.* The Takahasi Uzibumi // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. University of London, 1954. Vol. XVI, № 1. P. 113–133.
- Murayama Shichiro, Miller Roy Andrew*. The Inariyama Tumulus Sword Inscription // J. of Jap. Studies. 1979, Sum. Vol. 5, N 2. P. 405–438.
- Nihongi: Chronicles of Japan from the Earliest Times to A. D. 697. L., 1956. Pt. 1.
- Reischauer R. K.* Early Japanese History. Princeton ; London, 1937. Pt. A.
- The Cambridge History of Japan: Ancient Japan*. Vol. 1. Cambridge ; N. Y., 1993.
- Wedemeyer A.* Japanische Frühgeschichte. Tokyo, 1930.

Статья поступила в редакцию 1.12.2010 г.